

ЧАСТЬ I

1

Ей снился запах. А еще — зеленая лужайка на даче, белая бабушкина шляпа и солнечный зайчик, пляшущий на боку медного таза с яблочным вареньем, горячий и пряный дух которого настырно проникал в ее сон, щекотал ноздри, и даже во сне слышалась-ощущалась легкая волна корицы, которую бабушка всегда зачем-то добавляла в яблочное варенье. Выплывать из сна, из запаха вовсе не хотелось. Хотелось, наоборот, глубже зарыться в одеяло, спрятать голову под подушку и еще хоть самую малую капельку пожить той прежней чудесной жизнью, когда была дача в Сосновке, когда бабушка была здорова и варила себе в удовольствие варенье в медном тазу, наклоняясь к нему мягко свисающими полями большой белой шляпы...

И все же надо вставать. Если полежать в этом счастье пять минут, то Петьке придется идти в школу без завтрака. А если полежать еще пять минут, то придется ему идти и во вчерашней несвежей ру-

башке, потому как погладить чистую с вечера сил не нашлось — свалилась спать как убитая. Конечно, с вечера — это громко сказано, потому что «вечер» начинался для нее в три часа ночи, после возвращения с работы. Да уж, работы... Если так можно назвать двадцатичасовое стояние у мойки на кухне большого кафе, да еще под грохот незамысловато-популярной музыки из зала, да еще под противно-прогорклый, но все равно кажущийся на голодный желудок таким аппетитным запахом жарящихся на дешевом масле размороженных отбивных и бифштексов. Но зато «сутки через сутки», как называл все это безобразие Сергунчик, шустренький директор дешевого и популярного в округе кафе. Зато сегоднешние «сутки» она проведет дома, с бабушкой и Петькой, и наверстает свое необходимое домашнее присутствие...

Василиса откинула одеяло и с силой сбросила ноги на пол. Они гулко бухнули тяжелыми пятками о тоненький матерчатый коврик, не желая никоим образом функционировать с оставшейся лежать на кровати второй половиной тела. Она, эта вторая половина, сопротивлялась до последнего свершающемуся над ней насилию. А чего еще от нее, бедной, можно ожидать после жалкого трехчасового ни-сна-ни-отдыха, да еще так досадно разбавленного дразнящим горячим, пришедшим из прошлого яблочным духом... Уперев кулаки в матрац, она оторвала наконец

от подушки голову, встала с постели и, пошатываясь, пошлепала босиком в ванную, по пути с силой постучав кулаком в Петькину дверь. Ничего-ничего, сейчас и завтрак будет, и рубашка, и бабушкин утренний положенный туалет с железной уткой, мокрым полотенцем и добрым словом в поддержку...

Уже через полчаса они сели завтракать. Петька, пыхтя, притащил на самодельной грубой каталке, сделанной из старенького легкого кресла, бабушку из ее комнаты, героически вздохнул над тарелкой с порцией серой овсянки и щедро плеснул в свою чашку с чаем побольше молока — подсластил себе пилюлю немного...

— Вась, а когда мы стихи Колокольчиковой сочинять начнем? — деловито осведомился он у сестры, доедая свою порцию каши. — Который уж день обещаешь!

— Ой, Петь, ну вот давай сегодня вечером, а? Вот сегодня вечером — обязательно, слово даю! — виновато протянула в его сторону Василиса.

— А что, твоя Колокольчикова без стихов никак не проживет? — с улыбкой обратилась к внуку Ольга Андреевна. И, повернувшись к Василисе, тихо засмеялась: — Смотри, Васён, какие нынче пятиклассницы пошли — без стихов к ним даже и не суйся...

— Да, бабушка... — вздохнул в ответ Петька мечтательно. — Колокольчикова, она такая...

— Ну, что ж. Наверное, это и хорошо. Наверное, и правильно. Не все еще потеряно в этом мире, значит...

— Ой, бабушка, ты хочешь сказать, в ваше время тоже девочкам стихи сочиняли, что ли? — удивленно уставился на нее Петька. — Если даже и сочиняли, так, наверное, про ерунду всякую! Когда это было-то, сто лет назад...

— Ну уж, скажешь, сто лет, — протянула обиженно Ольга Андреевна, усмехаясь потихоньку, — обидно даже и слышать от мужчины такое...

Собственно, Ольга Андреевна и в самом деле не была совсем уж бабушкой как таковой, если рассматривать это к ней обращение как показатель женского возраста. Конечно, для внуков своих, Петра и Василисы, по родству она числилась бабушкой, но выглядела еще крепко и очень даже молодо, несмотря на перенесенный год назад сильный инсульт, который прошел по ней, как она сама считала, издевательски обидно: крепость эту самую да молодость оставил, а ноги практически умертвил. Лучше б, конечно, наоборот, да что теперь поделаешь. Выбирать не приходится. Еще за то спасибо, что жива осталась. Когда сын ее Олег, отец Петеньки и Васены, погиб так нелепо от руки нанятого киллера, тоже думала, жить не станет. Наверное, и всякая мать так думает, единственного сына теряя... Но ничего, выжила. Тогда хлопоты тяжелые да забота о судьбе внуков согнуться ей

не позволили, потому что судьба со смертью ее сына и их отца совершила совсем уж крутой поворот — круче и некуда — и разделила всю их жизнь на прошлую и нынешнюю — вот эту, убого-безысходную. А огромная квартира в центре города, три дорогие иномарки, шикарная дача в Сосновке, Василисина гимназия до восьмого класса с пятью языками и Петенькина престижная начальная лесная школа остались в прошлом, в болезненных воспоминаниях. А после похорон Олеговых выплыли, наехали на них огромнейшие его долги, за которые его и убили, говорят. И откуда они вообще взялись, эти долги, непонятно было, да и не вникал особо в это никто. И то, повезло еще, можно сказать, что осталась им эта старая трехкомнатная квартира, которую за долги не отобрали потому только, что не приватизирована была — руки в свое время не дошли, и в которой им всем и пришлось вскорости поселиться. Да еще жена Олега осталась, красавица Аллочка, совершенно не приспособленное к бедной жизни создание, бросившее Ольге Андреевне через год после смерти мужа детей на руки и отъехавшее по случаю срочного замужества через объявление в Интернете в замечательный германский город Нюрнберг. Вот тогда с Ольгой Андреевной, после Аллочкиного коварного бегства, этот инсульт и приключился. Не внес организм обиды. И даже и не само Аллочкино бегство ее доконало, а то, как обманула невестка

жениха-немца: в анкете в графе о наличии детей поставила аккуратненький прочерк, тем самым перечеркнув не только их присутствие в своей жизни, но и всю свою прошлую жизнь с ее сыном тоже как бы этим самым перечеркнув...

Так и живет теперь в своем Нюрнберге, будь он неладен. А сюда, к ним, письма шлет. А ей туда ни писать, ни звонить нельзя — ни-ни. Вдруг ее немец узнает, что обманула она его, про отсутствие детей наврав, и выгонит с треском из своего Нюрнберга... И ни о какой настигшей их здесь убогости-безысходности Аллочка не знает: ни об инсульте ее проклятом, ни о безденежье их нынешнем, ни о работе Васенькиной тяжелой «сутки через сутки». Думает, наверное, по-прежнему ее строгая свекровка в чиновницах больших сидит да судьбу внуков по своему разумению устраивает. Да и то, бог с ней. Пусть там и живет — все равно толку от нее никакого. Да если б не обезножела так не вовремя, неужель бы она и в самом деле внуков своих не подняла? Еще как бы подняла, тут и разговору нет...

Ольга Андреевна практически всю свою сознательную жизнь провела в крупных чиновницах, проработав в казначействе начальницей контрольно-ревизионного отдела, государственную казну на этом важном месте своей грудью, можно сказать, тщательно охраняя. Дамой она была бескомпромиссной, честно-вьедливой и высокооплачиваемой. То есть исключительно вредной и никаким образом неподкупной. За ее принципиальной спи-

ной всю жизнь казначейское начальство и пряталось, и выставляло ее впереди себя гордым знаменем, показателем абсолютной чиновничьей честности да бескорыстной порядочности — смотрите, мол, и мы все точно такие же... А случилось с ней горе, и отвернулись все друженько. Она и не обиделась. Знала, что в среде чиновничьей так и происходит всегда. Сошел с рельсов, и валяйся на обочине, и не вспомнит о тебе никто, потому что некогда: игры чиновничьи — это вам не корпоративные какие-нибудь хитрые отношения, это своего рода ходьба по канату тоненькому: подтолкнули тебя слегка, и летишь под откос...

— Бабушка, ты чего вздохнула так горестно? — повернулась к Ольге Андреевне от мойки Василиса. — Вспомнилось что-то?

— Да так, Васенька, ничего... — встрепенулась Ольга Андреевна. — Ты меня подвези-ка лучше к воде, я сама посуду помою. А то не намылась ты ее на работе за двадцать-то часов!

— Ой, да ладно... — легко махнула рукой Василиса и вздохнула украдкой. — Подумаешь, три тарелки да три чашки...

2

Да уж, подумаешь... Это сказать легко и рукой махнуть легко, а стоять почти сутки над нескончаемыми жирными тарелками в горячем пару моеч-

ной — это уже ой как не подумаешь. Иногда и в глазах серо-мутно становится, и тошнота подступает от усталости, и хочется изо всех сил не надирать эти проклятые тарелки мыльной рекламно-прекрасной жидкостью, а колотить их об пол столько, сколько сил хватит!

Только бабушке знать об этом вовсе даже не обязательно. Бабушкину нервную систему надо оберегать, охранять самым строжайшим образом от любых стрессов и переживаний, иначе она, эта ее нервная система, так и не образумится никогда, и не даст никакой надежды на бабушкино от инсульта выздоровление, на вожденную положительную динамику в убитых проклятым параличом мышцах. Явления этой самой динамики они с Петькой и приходящей к ним в дом через день массажисткой Валерией Сергеевной давно ждут изо дня в день, как чуда, как спасения, как благодати Божьей...

В кафе Василиса устроилась сразу после выпускных школьных экзаменов, буквально на следующий день, потому что бабушкина болезнь к тому времени успела съесть все их денежные скромные припасы, а массаж, по утверждению Валерии Сергеевны, никак прекращать было нельзя, хоть земля с небесами треснут да разверзнутся в одночасье. Так что с работой Василисе, можно сказать, повезло. Ее сначала официанткой взяли, и два месяца она проходила по большому залу кафе

в нелепо сидящем на ее крупно-несгибаемой фигуре легкомысленном фартучке с оборочками и белой заколке-короне в волосах, как того требовали дурацкие правила, ностальгически привнесенные из прежней жизни хозяином кафе, нестареющим вертявым шустрячком Сергеем Сергеевичем, в народе называемым просто Сергунчиком. Сколько было ему лет на самом деле, никто толком не знал. Может, сорок, может, меньше. Может, шестьдесят, может, больше. Был он без дела шумноват, очень прост и нахален — рубаха-парень такой, весело и со вкусом стареющий.

Василису Сергунчик сразу невзлюбил за непонятную отстраненность от коллектива, молчаливо-гордую сосредоточенность и за раздражающе правильно поставленную речь. А после того, как пару раз на нее пожаловались посетители, и вовсе перевел в судомойки. Оказалось, не понравилось посетителям, как она у них заказ принимает. Сказали, будто дискомфортно им отчего-то. Будто они не в дешевой кафешке свои отбивные заказывают, а где-нибудь в Виндзорском замке пристают униженно к ее высочеству с глупостями всякими недостойными...

Так она и оказалась в судомойках. А что делать — выбора у нее не было. Зато рядом с домом — только дорогу перейти, нырнуть в спасительную арку, потом во двор, и все. И она дома. И с одеждой зимней можно ничего не придумывать, голову себе

не морочить — все равно купить не на что. Зато следующий день после этого ада — свободный. День-рай. День с бабушкой, с Петькой, с самой собой. Да и ад этот, если разобраться, не совсем уж и ад... Василиса к нему попривыкла как-то. Опять же, можно себя не насиловать, не «отслеживать лицо», как Сергунчик говорит, не улыбаться по-официантски мило и подобострастно-приветливо — все равно не получается у нее. А можно, наоборот, отвернувшись к грязным тарелкам от всего этого суетливо жрущего и пьющего безобразия, распрямить спину, гордо вытянуть шею и даже представить на себе чего-нибудь необыкновенное — малиновый берет, например, с большим пером: кто это там, мол, в малиновом берете с послем испанским говорит... А можно и в прошлую жизнь нырнуть хоть ненадолго. Надолго нельзя — потом обратно возвращаться тяжело очень. А на каких-нибудь полчаса вполне даже можно — вспомнить про папу, маму, про прежнюю свою школу... Очень хорошая была школа. Она тогда по наивности полагала, что все школы только такими и бывают, в которых учителя внимательны, заинтересованны и доброжелательны, что свежавыжатый сок на перемене, стильно-удобная униформа и физкультура в бассейне — обязательная, для всех одинаковая школьная атрибутика. И очень была удивлена, когда обнаружила вдруг, что в следующей школе, в которую ей пришлось идти после

катастрофически быстро свершившегося сиротства, все совсем, совсем не так... Странно и дико было ей на первых порах наблюдать, как кричит на учеников задерганная, плохо одетая учительница, как злорадно-торжествующе посматривают в ее сторону девчонки-одноклассницы, как ругаются они так, что уши режет, со взрослым смаком через каждое слово, как бьются гордо и в одиночку редкие умники-отличники, пробивая себе через тернии дорогу к хорошему аттестату... Так и не смогла она привыкнуть за два года к новой школе, и не подружилась ни с кем, и аттестат получила средненько-плохой, четверочно-троечный. И не в том даже дело было, что интерес к учебе пропал. Да и не пропадал он никуда, просто трансформироваться не сумел удачно. Не хотела она так учиться, и все тут. Да и времени особо не было опомниться, выскочить из круговерти горестных событий...

А вот у Петьки, слава богу, гораздо мягче все переустройство жизни произошло. Его вообще в школе любят, и друзья какие-никакие появились, и даже влюбиться уже успел в одноклассницу, в Лилию Колокольчикову. Василиса, правда, эту Колокольчикову пока не видела, но за Петьку все равно страшно рада была. Побаивались они с бабушкой за него поначалу — он мальчишка мягкий, искренний, открытый, к миру жестокому всей душой наивно повернутый... А он ничего, молодцом оказался, все по-взрослому, по-философски при-